
АННА ТОМЧЕНКО
БЫВШИЙ
моей сестры
18+
Современный любовный роман

Анна Томченко

Бывший моей сестры

«Автор»
2026

Томченко А.

Бывший моей сестры / А. Томченко — «Автор», 2026

Я влюбилась в бывшего своей сестры. Разорвала собственную помолвку, сбежала из дома, бросила работу. Все, ради того, чтобы быть с ним. С бывшим парнем моей сестры. Жаль, я поздно узнала, что он ее никогда не разлюбит.***— Я не люблю ееОт его слов я теряюсь в пространстве и начинаю оседать на пол. Он подхватывает меня. Мои пальцы цепляются за сильные плечи. В горле клокочет и бурлит от невыплаканных слез и несказанных слов. Я хватаюсь за своего писателя, истерика какая—то позорная не отступает, потому что я знаю, что он— Ты врешьОт автора: Третья и заключительная книга серии Олени и Ко.Первое название «Над пропастью во лжи»

© Томченко А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 10
Глава 3 12
Глава 4 14
*** 16
Глава 5 18
Глава 6 20
Глава 7 22
Глава 8 24
Глава 9 26
Глава 9 28
Глава 10 30
Глава 11 32
Глава 12 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Анна Томченко
Бывший моей сестры

Пролог

Хорошие девочки не садятся в машину к незнакомцам. Но блондинка в красной юбке, видимо, была недостаточно хороша.

— Сколько тебе лет, ребёнок? — Я убавил музыку и боковым зрением наблюдал за попутчицей.

— Что, примеряешься не посадят ли тебя, если трахнешь меня на заднем сиденье? — Девушка проследила за моими глазами, что злобно сверкнули из—под затемнённых очков.

— Прикидываю сколько ботокса ты забила в носогубку и лоб, чтобы выглядеть на чужие восемнадцать.

— Мне двадцать шесть.

Я стянул очки, прошёлся взглядом по светлым волосам с оттенком серебра, идеальному носу, ровным бровям, припухлым губам и с сомнением покачал головой.

— У меня есть права! — зачем-то стала оправдываться девица.

— Подарили? — ехидно уточнил я.

— Ага. — Красная юбка не скрывала коленей, и укором на правом был синяк. Девушка одернула ткань. — Папа.

— Папа или папик? — и столько в этом моем «папик» было паскудства, что блондинка запсиховала.

— Да ты задрал намекать на эскортницу!

— Я тебя ещё не драл.

— Но мечтаешь? — Прищур голубых глаз и сжатые пальцы на ремне безопасности.

— Нет, прокрастинирую.

Замолчали. Гравийка вывела на разбитый асфальт.

— Как тебя зовут? — не утерпела девушка.

— Я обычно сам прихожу.

— Но имя у тебя есть?

— Безусловно…

— И ты мне его не скажешь?

— Оно слишком знаменито, чтобы называть его… — патетично заявил я, интригуя.

— Мне величать тебя Лютиком? — припомнив такой же момент в нашумевшем фэнтези, уточнила блондинка.

— Лучше уж Васильком.

— Хорошо Василёк, кто ты?

— Мизантроп, фаталист, гений… — пустился в перечисления.

— Ого! А тебе венец уши не натирает?

— Нет, он вечно съезжает набекрень. А кто ты, ребёнок?

— Можно я опущу все свои регалии?

— Мне интересно познать тебя всю…

— Но, но, но! — Покачала указательным пальцем девушка и сложила руки на груди. — Ты мне это брось, познаватель!

— Я бы сказал дознаватель.

— Серьезно? Ты настолько умён, что по пятнадцатиминутному диалогу смог все обо мне узнать?

— Не все, но я к этому стремлюсь. Например. Папа купил права, значит не последнюю горбушку доедает. Ты шлепаешь в летний полдень на каблуках и в мини по проселке, а могла бы ехать на машине. Купил права, купил и тачку, аксиома. Ты либо паршиво водишь, либо отобрали права, либо папочка отобрал машину. Мы в богом забытой деревне, ставлю на третье. Тебя что, сослали?

— Угу, в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов, — фыркнула девица, неумело цитируя Грибоедова. — Ещё скажи, послали…

— Нет, послала скорее всего ты. И это не единственная оплошность. По складу ума, характеру и повадкам, ты не приспособлена для серьёзной работы, хотя образование высшее, наверно, есть, бухгалтерия там или юрфак, а на деле ты фрилансер. С литературой у тебя беда, значит не пишешь. Глядя на мордашку, можешь быть моделью или новым видом бездельников — блогером.

— Я фотограф!

— Да какая разница? — Я махнул рукой.

— А чем ты занимаешься?

— Я пишу…

— Ооо! Вот это вот «Над пропастью поржи»…

— Во ржи. Книга, из—за которой убили Джона Леннона называется «Над пропастью во ржи».

— Да какая кому разница? — оскалившись, передразнила блондинка.

Глава 1

Аэропорты.

Это как телепорты, только дольше. Это как трансгрессировать, только без волшебной палочки. Это почти как магия, только механика.

Я шла к ленте выдачи багажа с дурацкой улыбкой, которая может быть только у человека, что впервые за шесть лет собрался в отпуск. Долгожданный. Сначала я училась в дорогой, во всех смыслах, столице. Потом не хватало денег. А сидеть на шее у родителей… Такое себе занятие, согласитесь? Тем более ба всю жизнь повторяла мне одну проповедь, что не надо просить ничего у сильных мира сего. Сами придут, сами дадут. А уж по шее, щам или для профилактики— как повезёт. Но в везение я верила ещё меньше, чем коуч по похудению в целебное голодание. Поэтому добивалась всего сама. Или добивала…

Я пошла работать на полставки в ресторан, хостес. Дальше в закромах вещей нашла старенькую зеркалку, и все закрутилось так, что на учебу плевать, на общепит с ещё большей колокольни. Потому что я нашла себя.

И стала фотографом. До мозга костей. До бессонных ночей с фотошопом. До стёртых коленей, потому что супружескую пару снимала на пляже и половина ракурсов требовала коленопреклонения. До истеричных всхлипов девочек, что попадали в объектив моей камеры. До скупой похвалы матери невесты, которая у меня на фотках даже улыбалась. До матюгов именем двойной экспозиции и открытой диафрагмы. До первой топовой строчки в списке молодых специалистов, у которого в портфолио звёзды шоубизнеса, мировые бренды и благотворительные акции.

Я Вероника Озёрская, по паспорту Дальнозёрова. И я в отпуске!

Если честно, в творческом. Я не бронировала на эти два месяца съёмки, потому что хотела побыть с семьей в родном городе, успеть слетать в Испанию и посмотреть работы Гауди. Саграда Фамилия, Дом Мила, парк Гуэля. Побывать в музеи Пикассо или Миро. И я туда полечу.

А сейчас семья… Родители. Папа обещал встретить. Мама, как обычно, флегматично будет страдать, что дочь не хочет рожать наследников. Сестра… Вот по ней я скучаю сильнее всего. Это же моя Ася—сяй! Знаю, глупо так называть взрослую девицу, но это из детства. Я страшно картавила и «л» проглатывала, поэтому разбила имя на две части. Так и прижилось.

Возле багажной ленты толпился народ.. В ручной клади у меня была камера, несколько объективов, световой фонарь вместо вспышки, два запасных аккумулятора, набор флешек… Ценный груз, короче. Я стояла в отдалении, не решаясь ввинтиться в толпу. Какой бы ударопрочный не была сумка, но лучше перестраховаться. С нынешними ценами и старый мануальный объектив Гелиос вылетит в копейку, молчу про мою Сигму.

Притопывать в такт играющей в наушниках Dancing girl было весело. Я залипла на синхронизации мелодии и картинки. Потом очнулась и, заметив спад толчеи, наклонилась за своим чемоданом.

Тётку, что подвернулась мне под руку, я не заметила, хотя такие габариты сложно пропустить мимо глаз. Но это ж я. Она пихнула меня упитанным задом настолько сильно, что моя тощая конструкция рассыпалась бы к чертям, если бы не мягкая стенка позади.

Я пожелала, чтобы на каждой фотке у бабы по три подбородка было, и, уперевшись локтем в стену, оттолкнулась. Сзади заматерились. Я резко крутанулась, саданула высокого мужчину в очках своей сумкой. Чуть не взвыла: там же мои «стекла»! Мужик постарался отмахнуться и, поскольку был выше меня ростом, получил поддых моим запястьем, что останавливало полёт кейса с оборудованием. То ли я не рассчитала силы, то ли сильный пол при-

кидывается сильным, но попутчик охнул и попытался отстраниться. В попытке отступления уже он задел меня, точнее очки, что сидели на лбу. Я, как факир, у которого последняя бутылка спирта, стала жонглировать окулярами, стараясь удержать их. Это ведь «Хлоя»! Я копила на них. Пока махала руками, ещё раз выписала тычок в рёбра мужчине, и он не выдержал.

— Да вы успокоитесь? — почти рявкнул он, сдерживая мне обе руки одной своей. Широкой. С нитями прорисованных вен на запястье. — Прекратите!

— Извините, — покаялась я, держа указательным и большим пальцем за дужку очки.

— Нет! — зло выплюнул мужик с русыми волосами и следами первой седины в ней. Ему шло. Такой гедонистический образ немолодого повесы.

В своей жизни мужчин я делила на три категории: хахаль обычный, хахаль экзотический и выхухоль. Первый отличался романтичными порывами между «привет красотка, как дела» и «идём перепихнемся». Вторые были настолько непредсказуемы и горячи, что однажды я оказалась с утра на тусовке свингеров. А вот третьи… Выхухоль—зверь чудной и придурковатый. Сначала его трудно отличить от номера один моего списка Шиндлера. Но при ближайшем рассмотрении вы точно поймёте, что перед вами именно он, ещё не исчезнувший, поругайте теорию Дарвина, вид. Так Костика, который был нормальным и по свиданиям таскал, как престарелая куртизанка свою болонку Мальтезе по кулуарам, и цветами заваливал, я бы не заподозрила, но когда во время секса он зажал мне рот и стал шептать, чтобы я не орала, а то маму разбужу… Не виделась я больше с Костиком… А его мама ещё дважды звонила мне и сетовала, что не успела познакомиться со мной поближе. Куда уж ближе, итак, носами возле ванной столкнулись, и ещё не известно на чьей психике был отложен отпечаток моральной травмы.

— А почему? — Мне на самом деле было любопытно. А ещё интересно, к какой категории относился мужчина. Очень яркий типаж. Вроде бы ничего необычного: хорошо сложенный, высокий, мышцы в нужных местах, но без фанатизма. И лицо очень харизматичное: очки, щетина, седина в стильной стрижке — это словно винтики одного механизма. Я пустила слюни, потому что заполучить такую модель очень сложно. Это вам не штамповка, тут уникальный объект. Потёртые джинсы и футболка с рваным воротном только ярче подчёркивали его необычность.

— Вы получите индульгенцию, а мне безболезненней от этого не станет. — Он подхватил спортивную сумку с ленты. Я наклонилась за своим чемоданом.

— Тогда кофе? — Глаза у него карие. Интересный оттенок расплавленного янтаря. При должной обработке в фотошопе эти глаза станут наваждением девиц от тридцати до восьмидесяти.

— Не стоит.

— Почему? — не сдавалась я, все ещё веря в свою коммуникабельность раскрутить его на съёмку.

— Боюсь вы меня добьёте, придёте с молотком, например, чтобы уж наверняка…

Вот осел!

Я посмотрела вслед мужчине и сдула с глаз локон. Ну ничего. От меня ещё никто не сбегал. Бывало, уползали, хромали, один сиганул с лестницы, но побегом никто не отделался.

Чемодан на колесиках затормаживал погоню. После эскалатора я заприметила знакомую фигуру и стартанула к отцу на третьей космической скорости. Повиснув у него на шее и триумфально дёргая ногами, я ещё видела, как у информационной стойки необщительный осел копался в телефоне. Но тут вежливое покашливание со стороны заставило отвлечься, и я уперлась взглядом в коренастого парня с копной каштановых волос. Он мило улыбался.

— Ники! — Папа отпустил меня и, придерживая за руку, повернул к спутнику. — Познакомься, это Матвей. Сын моего хорошего друга…

Это очень мило, что у родителя полно времени для светских расшаркиваний. Но у меня там модель сваливает.

— Рад знакомству, — учтиво протянул парень и попытался облобызать мою конечность. Я не далась, только мужественно пожала протянутую ладонь и со скорбным видом признала:

— Соболезную…

Мужчины натянуто засмеялись, сглаживая конфуз. А я, уже не слушая их, потопала вслед за незнакомцем, как за флейтой Гамельнского крысолова. Что—то в нем было необычное. Такое что все мои инстинкты кричали, чтобы я не смела его упускать. И его глаза… Что в них было помимо цвета? Усталость, раздражение, недовольство. Интереса не было. Ко мне интереса не было.

Я нагнала добычу, когда оная садилась в такси и не придумала ничего лучше, чем вытащить телефон и сделать пару кадров. Даже номер машины засняла. Вдруг пригодиться. А если поиск по изображениям будет в пролёте, размещу на всех своих страницах в соцсетях мольбу о помощи найти этого человека.

Отец со своим знакомым как раз догнали меня, и мы втроём погрузились в машину. Я была так озадачена мужчиной, который пренебрёг моим вниманием, что дальнейший диалог в авто звучал для меня, как из мультика про Дракулу: «…бла, бла—бла, блаааа…»

А когда двери лифта сомкнулись за нашими с отцом спинами, я услышала шипение.

— Да что ты себе позволяешь? — пародируя жителя серпентария, накинулся на меня папа. — Я столько сил вложил, чтобы договориться о твоей с Матвеем встрече, чтобы вы приглядились друг к другу…

— Зачем? — оборвала я нравоучительную тираду.

— А долго ты ещё будешь скакать по мужикам, как блоха по яйцам?

Если бы самолёт, на котором я прилетела, разбился, я была бы признательна.

Глава 2

Дома разразился скандал. Отец настаивал на моем более близком знакомстве с Матвеем. Мама сетовала, что я отказываюсь от такого хорошего мальчика. А я просто не могла понять в какой дурдом попала.

— Вероника, Матвей станет отличным мужем. А ты к нему присмотреться не хочешь! — сетовал папа, взмахивая руками.

— Это же семейный бизнес, — укоряла мать.

Когда время приблизилось к ужину я вышла из своей спальни. Подтащила так и не разодранный чемодан к двери и уведомила родителей.

— Я завтра с утра уезжаю.

Не хотелось мне оставаться в доме где родное дитя продают вместе с пакетом акций. Мы не в средневековье поэтому задерживать меня не стали. Но и машину не дали. Выразились что раз я такая самостоятельная и упрямая то смогу добраться до тётушки и без чужой помощи.

Я пожала плечами. Послала воздушный поцелуй матери и хлопнула дверью.

Колёса электрички мерно стучали. В окнах пролетали деревни и при них железнодорожные станции, где в каждой был местный ларёк. Народ спешил, кто в дорогу, кто к очередной покупке пышного хлеба, что пекли несколько остановок назад на хлебозаводе. Проезжать там было невыносимо: запах свежей сдобы, хмеля и дрожжей. Желудок противно забурчал — завтракать не стала дома.

Я оглянулась через спинку сиденья на тамбур: не идёт ли там какая-нибудь бабулька с пирожками. Но кроме старичка в помятой кепке никого не видно. Жаль.

Старый лак на деревянных сиденьях трескался и впивался в ладошки. Я отряхнула руки и окинула взглядом почти пустой вагон. Вон возле стоп-крана наскальная живопись «Гадом буду, не забуду, Лёньку моряка». На мутных стёклах отпечатки детских пальцев. И форточки наглухо закрыты. Три или четыре всего лишь свистят от попутного или поперечного ветра.

До моей станции оставалось больше половины пути, а желудок распевал рулады на весь вагон, который к слову был почти пуст. В самом конце степенная матрона вязала крючком салфетку. Напротив неё — девушка в джинсовом комбезе и с двумя клетчатыми сумками читала газету. В соседнему ряду на деревянных сиденьях ёрзала дама бальзаковского возраста. Она обмахивала себя сложённой вдвое корреспонденцией и презрительно косилась на садоводов, что лепетали в углу у входа. У одного в старой резиновой корзине сидели две курицы, что попеременно кудахтали и гадили, поэтому закономерно, что через пару десятков минут птицы отправились в тамбур. Там обосновалась компания молодых ребят. Они вальяжно тянули одну сигарету на троих и чувствовали себя невероятно взрослыми. Один из них, завидев мой интерес, в порыве тестостерона заиграл бровями. Я предпочла сделать вид, что у него нервный тик.

Через пару сидений от меня играл в телефон мальчика лет одиннадцати. Может тринадцати. У него была такая живая мимика. И сам он как будто сошёл со страниц Мальчиш Кибальчиш: светлые вьющиеся волосы под тканевой кепкой, голубые глаза, нос кнопкой и россыпь веснушек на загорелой моське. Я залюбовалась. Святой Лайтрум да я бы все отдала лишь бы снять эти удивительно лазурные глаза.

Через полчаса механический голос из динамика сообщил о моей остановке и я направилась в тамбур.

Вы когда нибудь прыгали с полутораметровой высоты на каблуках в гравий? Нет? Ну и молодцы. А я вот дурёха села в крайний вагон, и перрона на него просто не хватило. Мне помоги с чемоданом. Но я все равно оступилась в попытке уберечь сумку с оборудованием и приложилась коленкой об гравийную крошку.

От перрона вела длинная лестница вниз, к дороге. Я посмотрела на ступеньки из сетчатого металла и сглотнула вязкую слюну. Вот как пить дать моя неуклюжесть и тут сыграет роль, если не застряну каблуком в дырке — день будет потерян.

Аккуратно и медленно сползла вниз и даже не покалечилась. Перебирая каблуками как страус на асфальте шмыгнула за едой в ближайший сельский магазин. Внутри пахло сдобой и я не удержалась и вгрызалась в булку прямо не отходя от кассы. Пока жевала заприметила объявление о продаже кваса и захотела себе. Мне выдали пластиковый стакан как для пива. Я глотнула кисло-сладкого напитка. Блаженство. Теперь можно в путь.

На выходе из магазина у меня тренькнул телефон и я на ходу стала читать новости. В одной руке мобильный в другой стакан. Чемодан двигала впереди себя подпихивая коленками. Я не представляла, что в такой глуши найдётся ещё один такой же невнимательный человек, что влетит в меня и расплескает квас по нам обоим.

Подняв глаза я столкнулась с надменной физиономией.

— Да вы меня преследуете? — спросил негодующий незнакомец из аэропорта, разглядывая свой заляпанный костюм менеджера среднего звена.

— Нет, это просто вас кара небесная настигла, — огрызнулась я, отряхивая свой костюм, уже кваса.

Глава 3

Мы смотрели друг на друга как два грибника что столкнулись задницами на поляне где виднелся только один пень с опятами. Я вглядывалась в глаза коньячного цвета, щетину, очки без оправы, седину на висках. Куда глядел мужик не знаю, но судя по уровню, в район моей груди, которая была мокрой и от этого чётче проступала под мешковатой футболкой. Наконец он начал концерт по заявкам.

— Ты совсем не смотришь куда идёшь? — Он стянул пиджак и перекинул его через плечо. Вот тут-то я и залипла — рубашка со следами кваса красиво обтянула грудь.

— А ты куда смотрел?

Во мне сейчас сражались два желания: вцепиться в незнакомца, обхватить его руками, ногами, вгрызться в шею, чтобы наверняка, и диаметрально противоположное — бежать сверкая стрингами. Мне катастрофичен не везло с мужчинами. Ещё и жених этот…

— На магазин я смотрел, — рявкнул и принюхался к одежде. — Что там у тебя было в стакане? Пиво?

Я оскорбилась и приняла твёрдое решение: не только целибат, но ещё и работать с мужиками не буду. За дёшево не буду.

— Квас, — поправила я и выплеснута остатки напитка прямо на грудь мужика. Шагнула в сторону. Бросила стаканчик в мусорку. Уцепилась за ручку чемодана и пошла к обочине.

— Ну хорошо хоть не маслице, — буркнул мужик, когда я решила обернуться.

— Осел… — протянула я, расслышав намёк.

— Олень, осел… Господи когда я стану обычным мудаком? — Мужчина возвёл глава к небу, но оно безмолвствовало и нещадно сияло солнцем.

Я пожала плечами дескать наплевать, что там блаженные бурчат и зашагала по дороге. На третьем покосившемся заборе я остановилась. Затащила себя и чемодан к кусты. Вытянула первую попавшуюся кофту, что по вредности оказалась белой блузкой без рукавов и переоделась впопыхах.

Через десять минут скандинавской ходьбы на каблуках я отчаялась добраться до тётки. Почему-то вчера эти орудия убийства мне не натирали пятки, а сейчас прям расстарались за себя и того парня. Я подумывала стянуть к чертям обувку и шлепать по траве, но сообразив что чемодан это не внедорожник, страдала дальше.

Мимо меня пронеслась чёрная «Ауди». Пыль встала столбом и я закашлялась как старый туберкулёзник. Ну кто так гоняет по проселке? Что пешеходов не видно? Если честно я сама к этим адептам смерти относилась с большим предубеждением. Оденутся во все чёрное, уши заткнут музыкой и по наивности считают что неоновая заколке на запястье убережёт их от встречи с костлявой. Это они конечно зря. Но я то была вся в ярком, среди дня. Как меня можно было не заметить?

Машина сдала назад. На второй заход пошёл? Одним разом не насладился? Я приготовилась капитулировать через канаву на газон, но авто остановилось в нескольких метрах от меня и приглашающее распахнуло багажник. Я вскинула бровь. Так меня ещё никогда не приглашали подвезти.

Водительская дверь открылась и как в замедленной съемке из неё вышел коварный незнакомец! Он успел стянуть рубашку и теперь приближался ко мне в белой майке и джинсах. От него веяло чём—то мужественным, благородным. Такой небожитель на минималках.

Я приоткрыла рот, расслабила пальцы на ручке своей поклажи и залюбовалась. Вот он проводит рукой во волосам зачёсывая их назад, на жилистом запястье красуются нити брасле-

тов с какими-то камушками. Поправляет очки закусывает нижнюю губу и меня можно выносить. За борт. С песнями и плясками. Да чего уж там, с хороводом.

В голове мысли сменяются одна за одной. От «вот бы его снять» до «вот ты он меня снял». На последнем я вздрагиваю, словно от мысленной пощёчины и «остановись мгновение, ты прекрасно» рассыпается хлопьями пыли. Мужчина с поджатыми губами и искрами из глаз доходит до меня, выхватывает ручку чемодана, забирает сумку с оборудованием и возвращается к открытому багажнику машины. С первого раза загнать в пазы короткую, под мой рост, ручку не удаётся. Между бровей мужика ложиться продольная морщина и подойти бы и стереть ее пальцем, но я продолжаю обтекать от свалившего на меня подарка судьбы: он меня решил подвезти. Что кстати очень неправильно после того как я ему рубашку испоганила. Хотя кто его знает вдруг он ненавидит офисный стиль и просто искал повод, чтобы разоблачиться, а эксгибиционизм без повода — заболевание.

Кофр с камерой аккуратно лёг на заднее сиденье. Мужчина подошёл к передней пассажирской двери и распахнул ее. В шутовском поклоне с приглашающим реверансом он намекнул мне залезть в машину. При этом я прям чуяла как он своей оскаленной улыбкой стесывал зубы до десен.

Я подхватилась и мелкими шажками засеменила до машины. Плюхнулась на сиденье даже не взглянув на него, а потом с запозданием ощутила своей пятой точкой что под ней что-то лежало. Дверь хлопнула с таким звуком, что я неловко отшатнулась к водительскому креслу и наконец то смогла извлечь из-под задницы томик стихов Бродского. Не дожидаясь отповеди от хозяина авто быстро перекинула книгу на заднее сиденье и с физиономией полной благодарности вытаращилась на мужчину, что сел в машину. Видимо у меня на лице было что-то такое говорящее без слов потому что незнакомец отшатнулся, в последний момент успев прикусить язык и не матюгнуться.

— Куда вас сударыня…

— «Ясная», — перебила я, наблюдая как тонкие музыкальные пальцы прохаживались вдоль оплётки руля. В этом было что-то особенно искусное, словно невидимые струны под ними играли неслышную песню.

— Даже не хочу уточнять деревня это или фамилия сударыни. — Он завёл машину и вырулил с обочины.

— А всё-таки стоило бы уточнить. Не в поле же ты меня вывезешь.

— Хуже. — Кнопка блокировки дверей загорелась от твёрдого прикосновения . — Разве тебя в детстве не учили, что нельзя садиться в машину незнакомым дяденькам? Они ведь могут увезти тебя к себе в гараж и сотворить всякое?

— Вот с этого момента поподробнее, можно? — я скорчила умильную рожицу, что должна была показать что я вся во внимании. — Какое всякое? Шибари, БДСМ, оргия?

— Вариант с придушить на заднем дворе уже не прокатит? — с усмешкой уточнил водитель авто. Я покачала головой. Почему-то он совсем меня не пугал. Ну какой из него маньяк? Так если только голым в пальто походит.

— Ты так легко не отделаешься, — заявила я и скинув наконец—то туфли застонала.

— Ты чего? Уже репетируешь?

— Ты знаешь какой оргазм ловит женщина всего лишь избавившись от каблуков? А уж если и лифчик ещё в этот момент скинуть…

— Кхм…— мужчина замялся. — Странный вопрос. Или я дал тебе повод подумать что ношу каблуки и лифчик?

Мы оба покосились его рельефную грудь под тонкой тканью майки. А я ещё и облизнулась.

А ну соберись тряпка! И прекрати нести чепуху!

Глава 4

За десять минут оставшейся дороги я даже не узнала как зовут попутчика. Так необременительные фразочки, что может сказать любой мужик. Справедливости ради я тоже не произнесла своего имени. Да и не нужно было. Я ж решила завязать с мужиками. И нечего тут пускать слюни на такую шикарную модель. Нечего!

Но почему мне так отчаянно хотелось, чтобы он ещё раз коснулся меня взглядом? Я была готова закричать: «Ну посмотри на меня! Ещё раз так же с интересом взгляни». Но он словно слышал мое желание внимания и специально не отрывал глаз дороги.

Я ёрзала по сиденью и поправляла юбку. В салоне приятно пахло табаком и горьким кофе. Мужчина шептал слова песни. Нет даже не шептал а просто слегка шевелил губами:

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.
И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Я помнила что это строчки из стихотворения «Незнакомка» Блока. Но никогда не слышала в формате песни. И ещё непривычнее было видеть человека, который знает наизусть слова. Но он ведь писатель. Ему можно.

Машина подъехала к воротам дома. Мужчина заглушил двигатель и выжидательно забарабанил длинными пальцами по рулю. Я коснулась ручки двери, но задумавшись остановилась.

— Что даже в кино не позовёшь?

— А зачем? Все, что хотел — я узнал. Ты для меня как открытая книга никакой загадки.

— А имя?

— Всего лишь формальность…

— Наглый самоуверенный хам, — мягко рассмеявшись, констатировала я, все же выходя из автомобиля.

— Наивная глупая… ребёнок!

— Ага! — Я наклонилась к дверному проему и возликовала. — Подвели тебя твои словеса, писака?

— Я бы сказал уберегли от конфуза, с губ так и рвалось «дура».

Я высунула длинный язык и закрыла машину. Обошла, отрыла багажник. Наклонилась за чемоданом, но мои ладони отвели сильные руки. Аромат табака щекотнул нос. Я обернулась и увидела писателя, что благородно решил помочь мне с вещами.

— Не стоило. — Почему-то смутилась я, касаясь пальцами того места где секунду нашла были руки мужчины.

Он пожал плечами, но чемодан все же вытащил. Поставил на дорожку, что вела к дому и выдвинул ручку. Как и было, под мой рост.

Я проследила, как он, не прощаясь, садится в автомобиль. Заметила тень улыбки, что коснулась губ и тоже улыбнулась. Внутри что-то сократилось, как будто предвкушение или азарт.

Чемодан и я шли к дому, а писатель все ещё не уехал. Возле калитки я оглянулась, поцеловала ладонь взмахнула ей в сторону авто. Надеюсь выглядело не слишком пошло. А если и так, то плевать с высокой колокольни, что на пригорке стояла.

Клавдия, завидев, как я корячусь в дверном проеме сначала ахнула, вздрогнула, а потом так мило, по-свойски, обложила матюгами. Я чуть не прослезилась. Машины на электричестве, видеозвонки через телефон, работа по интернету. Весь мир меняется, и в нем, таком непостоянном, так приятно видеть нечто незыблемое. Например, дурной характер родственницы.

Я расположилась в мансарде. В большой светлой комнате прямо под крышей. Моя меркантильная душонка желала остаться вообще на первом этаже, поближе к туалету и кухне, но спальни начинались со второго. А там нельзя, там у Барсика, теткиного кота, владения, и он ревнует. И нагадить может в тапки.

Я плюнула и перетащила шмотки наверх. Расположилась, проверила все мессенджеры, статусы, блоги. Успокоилась и расслабилась. К вечеру меня вывели в люди, хотя я отказывалась и требовала посадить себя под домашний арест, но тётушке надо было похвастаться перед нерадивыми соседками умницей и красавицей. На этих словах я заозиралась, но схлопотала на шее прогулочным кружевным зонтом, ибо нечего паясничать раньше времени. Надо будет сыграть блаженную — карты мне в руки, а при людях без фокусов.

Я напялила длинный сарафан, кофту с рукавами и для полноты картины платок на голову. Опять огребла. Только уже за самодеятельность. Платок и кофту пришлось оставить.

Соседки охали. Говорили, как я выросла и что помнят меня «вооот такусенькой». При этом почему-то показывая на Барсика, что увязался за нами и был ростом с дородного джекрассела. Мы с кошарой недоверчиво глядели друг на друга, не в силах понять с каких пор детей измеряют в котах.

А через три дня случился первый акт паломничества за моим сердцем. Хотя не так. Сначала случился высокомерный писака.

***

Слизняки жрали. В наглую не стыдясь моего присутствия. Я с детства боялась подобных тварей и вообще всех пресмыкающихся. Только поэтому я высыпала на грядку со свеклой целый пакет отравы. А они и ее жрали.

Тёткин огород имел вид образцово показательный. Такой весь вылизанный: травинка к травинке, грядка к грядке. И вот на этих самых грядках и устроили пир во время чумы слизняки.

Палочка в моих руках просила заклинание «Авада Кедавра», но увы смородный куст был жаден на чудеса, поэтому я просто расковыривала прутиком обожравшихся насекомых.

— Прикольные стринги! — крикнули мне от калитки. Я рефлекторно разогнулась, дёрнув юбку пониже. Две косы, что свисали к земле хлестанули по загорелым плечам. В садовой калитке стоял давний знакомец, что глумливо лыбился, грех такого не обломать.

— У меня и лифчик прикольный, хочешь глянуть? — Я дернула бровью, намекая, что где глянуть, там и пощупать. Визави помрачнел и уже по-человечески спросил:

— Ты всегда такая…

— Чокнутая? — помогла подобрать благозвучный синоним слову дура. Мужик кивнул. А я бы могла рассказать слезливую историю как меня в пятнадцать лет зажал в подъезде старшеклассник, и с тех пор я обороняюсь на опережение. То есть сама подкатываю, причём так с огоньком. Больше половины сливаются. Но вместо этого отшутилась. — Только по средам и пятницам. В остальное время я непредсказуемая.

Я взмахнула руками и перчатка, что была зажата между пальцев хряпнула мужчину по голове. Он конечно промолчал, но состряпал такую недовольную физиономию, что все молоко в доме скисло.

— Так сегодня вторник… — уточнил собеседник, сплёвывая земляную пыль, что пропитала хозяйственную варежку.

— Говорю ж непредсказуемая! А значит чокнутой могу быть в любой день недели.

Оба замолчали. Я исподволь рассматривала собеседника, подмечая как ему идёт льняная рубашка с распахнутыми воротом и закатанными до локтей рукавами. Едва заметные нити седины в волосах блестели на солнце. А тёплые глаза…

Мне пришлось насильно отвести взгляд от янтарного оттенка глаз писателя. Почти с болью, потому что молчать и разглядывать это почти неприлично. Тетушка была ты в шоке. А нам обоим было нормально. Я ощущала как он скользит по мне заинтересованностью. Не такой как мужчина смотрит на женщину. А более профессиональной. Он музу во мне разглядел что ли?

Мы бы может и дальше стояли как два влюблённых по разные стороны забора, но на дорожку вперся петух Петрович, что по дурноте нрава мог сравниться с котом Барсиком. Пернатая тварь дважды цапнула меня за пятку и только мое безграничное терпение даровало ему спокойную жизнь, потому что будь я импульсивнее, давно бы сварила хорошую куриную лапшу.

Завидев местного агрессора, я короткими шажками перебралась к калитке и вцепилась в неё, чтобы в случае чего сигануть за границы участка. Но Петрович был сегодня не в духе, поэтому процокал мимо меня в малину.

— Мы неудачно начали не находишь?

— Уже потеряла…

Я прикусила язык. Но писатель не стал заостряться на этом внимание, лишь понятливо усмехнулся и облокотился на калитку. Рубашка натянулась и проступили мышцы под тканью.

Я залюбовалась. А потом осознала, что стоим мы невозможно близко. Не будь он выше меня — наши носы соприкасаясь бы. Я почти ловила его размеренное дыхание. А аромат горького кофе окутывал, лишаях способности мыслить здраво.

Чёрная «бэха» подняла столб пыли возле дома. Красуясь параллельной парковкой, спустя минуту из авто вышел Матвей. Я прикрыла глаза рукой. Он был до омерзения довольным жизнью. Дошёл до забора и упёрся взглядом в писаку. Сцена как из бульварного романа. Мне было неловко перед писателем, а вот на отцовского протеже я злилась, поэтому не придумала ничего лучше чем огрызнуться.

— Матвей — мужик, который хочет меня в жены, — представила темноволосого мужчину. — Василёк — мужик, который меня даже в собеседницы не желает. Развлекайтесь мальчики.

И закрыв калитку на замок, удалилась в глубь сада. Ещё и Петровича выкинула на тропинку, побудет вместо цепного пса.

Глава 5

Разбудили меня петухи. Нет, я столичная штучка знала, что эти твари имеют привычку кукарекать, но не в два часа ночи же? Я выползла с мансарды и спустилась на первый этаж. Тетка за все время, что я живу здесь, успела мне плешь проковырять своей бессонницей, а сейчас предавалась такому крепкому сну, что богатыри позавидуют. Причём она ещё храпела как неплохой трактор, отчего хрусталь в серванте тонко позвякивал. Я прошмыгнула мимо спальни и тихонько приоткрыта входную дверь. Прислушалась. Обычно в это время мы с родственницей только расходимся по постелям, потому что папина сестра особая охотница до ночных разговоров. Она садится в кресло—качалку, накидывает на ноги плед и затягивается трубкой. Сегодня сценарий испортился: Клавдия измучилась на огороде, вот ее и сморило, даже бессонница не помеха.

На улице было тихо и немного зябко. Моя сонная голова не отупляла куричьего перформанса, поэтому шлепая калошами, я пошла к курятнику. На дорогу выскочил Петрович, воинственно разевая на меня клюв. Я чуть богам содержимое кишечника не отдала, поэтому сделала то, что давно желала — выписала птице поджопник. Дуэлянт не оценил моего великодушия и пошёл в наступление. Он растопырил крылья и поднял гребень. Я матюгнулась и стартанула к сараю. Петух, заметив смущение в стане врага, сиганул за мной, противно выплевая «кукареку» на всю околицу. Я дёрнула дверь в хозблок, но та оказалась запертой, оббежала строение и повисла на открытом подоконнике. В темноте нащупала первую хорошую оглоблю и сползла с окна.

В свете луны оглобля оказалась граблями. Ну ладно. Где нашла не пропадала, а наше не пропадала везде! Взвизгнув для полноты картины и дезориентации противника, я побежала за птицей, подгоняя пернатый зад любимым орудием селянина. Петух квохтал и так недобро вскрикивал, что я заподозрила — лучше мне завтра не выходить из дому.

Загнав супостата в курятник, я решила подпереть его на всякий случай. Ну как эта диковинная тварь выбирается? Может вход на абордаж берет. Я подтянула грабли и попыталась с упором пристроить их. Не выходило. Решила разгрести немного земли, чтобы уж точно они не свалились и тут черенок наткнуться на что-то плотное и матерящееся. Я завизжала, ибо какой нормальный человек будет подкрадываться ночью к девке с голым задом? Правильно. Только извращенец! Развернулась и саданула ещё раз поддых незнакомца. При этом, так противно голося на одной ноте, что собаки в соседней деревне решили, что тут поминки и подпели мне стройным воем. Мужик согнулся пополам и попытался выхватить у меня грабли. Я дернула их на себя, но не рассчитала и оказалась поймана в захват длинных пальцев, что сцепились на моем запястье.

Ветер отогнал облака, и я узнала писателя, который в попытке найти второе дыхание неудачно оступился и начал заваливаться набок. Поскольку мы были в тандеме, мне ничего не осталось кроме того, чтобы выбросить грабли и упасть на мягкое. Мужчина сдавленно охнул, а я так удобно растеклась на нем, что почти не заметила удара о земли.

Мы смотрели друг на друга как в старых черно-белых фильмах. Глаза в глаза. Губы к губам. Вот представьте: ночь, полная луна, мужчина и женщина на нем. Наше дыхание в унисон, и касание тел близкое. Сейчас он отведёт мои волосы от лица, вдохнёт полной грудью. А потом поцелует, и я превращусь… я превращусь… Ой да какая к хренам разница, лишь бы не в тыкву.

— Добить решила? — спросил сдавленно мужчина.

Нет, тыква не такой плохой вариант.

— Какого корнеплода ты забыл ночью в моем саду?

Я уперлась руками с двух сторон от писателя и встала в планку. Не рассчитала и моя коленка как-то неудачно уткнулась в бедро. Прозаик заматерился, а я, подгоняемая адреналином и собственной дурью, взвилась в воздух. Отряхнула колени. Нашла вторую калошу и повторила вопрос:

— Тебе чего не спиться?

— Серенады пришёл петь, а то ты просто так не хочешь со мной говорить. С женихом своим бросаешь…

— А где твоя гитара? — нарочно пропустив мимо ушей последнюю реплику дотошно уточнила я.

— А я акапелла. О донна моя, краски дня догорели, так выйди скорей на балкон.

Меня передернуло. Либо голоса у мужчины реально не было, либо он испытывал мои нервы на прочность. В глубине души зародилось мерзкое чувство, что просто бесил.

— Можно без прелюдии? — спросила и сложила руки на груди.

Писатель встал с земли и сверкнул на меня янтарными глазами, и внутри меня что-то дёрнулось. Я шикнула и зарубила в зародыше это прелюбодейное что-то.

— Я хочу тебя нанять, — серьезно и очень твёрдо. А я не оценила и заржала. Аж хрюкнула один раз. Но мое веселье не было оценено. Мужчина просто наблюдал за моей истерикой.

— Зачем тебе глупый ребёнок, которому папа все покупает? Или решил сам поиграть в папика?

Ночного воздыхателя перекосило словно он простокваши хлебнул. А я ехидно улыбнулась. Не надо было по дороге до тётки надо мной издеваться, потому что я ещё и злопамятная.

— Я навёл справки. Ты на самом деле хороший фотограф, — он процедил это как будто сам факт моей гениальности наносил его эго непоправимый ущерб. — Мне понравились твои работы…

— Поздравляю, — неискренне сказала я, всматриваясь в ночное небо.

— С чем? — не понял ночной гость.

— С прозрением.

Глава 6

Собеседник насупился. Я пожала плечами и уже намылилась вернуться в дом. Мы же помним, что мне не интересны преложения от всяких холёных мужиков? Помним же?

— Пока я свободен мне хотелось бы отснять контент на ближайший год.

— Увы, я не свободна…

— Ты целыми днями гоняешь кур и сидишь в грядках.

— Откуда ты знаешь, чертов сталкер?

— Проходил несколько раз мимо. Тебе нечем заняться, поможем друг другу?

Он шагнул навстречу. Я от него. Потому что как только он ко мне прикоснется, я растеряюсь. И на многое соглашусь. В прошлый раз я как невменяемая весь день ходила и гладила своё запястье. Не надо мне сейчас этих непонятных прикосновений.

— Нет. — Я похлопала мужчину по плечу и обошла. — Я слишком занята…

— Чем?

— Я в отпуске… Творческом! — нашлась в последний момент я и скорчила умильную моську.

— Сколько ты хочешь?— грозно и решительно спросил собеседник. А я фальшиво очаровалась. Прикинула, что если сейчас заряжу несусветную стоимость, то он сам откажется от бредовой затеи.

Я назвала шестизначную сумму. Мужчина округлил глаза.

—Ты ничего не попутала? Я тебя фотографом хочу, а не просто хочу.

— Ой как будто элитная девочка стоит дешевле, — со знаменитым одесским акцентом отбрила я.

— Намного!— возмутился писатель. И тут-то и наступил любимый для меня момент — торг.

— Ну вот смотри, — как маленькому решила объяснить на пальцах. — В году двенадцать месяцев. Это двенадцать, как минимум сетов, с учётом того, что некоторые из них ты не сможешь перемешивать.

— Это какие например? — Он сложил руки на груди.

— Новогодняя съёмка, праздничные, ты же поздравляешь своих читателей с восьмым марта, Пасхой, днём Ивана Купалы…

— А это ещё зачем?

— Для разнообразия, не перебивай. — Я отошла к скамейке под яблоней. — Так вот. Двенадцать сетов. Это двенадцать наборов референсов, бронь студий и локаций, луки, работа ассистента, аренда недостающего оборудования. Опять же выездные съёмки это отдельная графа расходов от подорожных вплоть до оплаты закрытой территории местного парка, оранжереи…

—Все. Я тебя понял. Это сложно и дорого. Давай тогда хотя бы до конца года, — скоропалительно принял решение мужчина, вставая напротив меня и видимо ощущая мое нежелание прикосновений..

Я назвала эту же сумму.

— Не понял. Количество съёмок же уменьшилось.

— А оптом дешевле, тем более это мои сверхурочные, я же в отпуске…

— Тебя цыгане торговаться учили?

— Как ты мог такое обо мне подумать! — наигранно возмутилась я, приложив ладонь ко лбу, притворно лишаясь не только совести, но чувств, что на скамейке было удобно. — Бабушка любимая!

— И почем у неё была краденная лошадь?

— А то сам не догадываешься, что дорого.

— Впрочем как и цена на твои услуги.

— Конечно, ибо дёшево не может быть качественно.

— Бред. Носки из собачьей шерсти не такие дорогие, а греют лучше козьего пуха.

— Ну так или дальше, ищи носки по размеру, а меня не отвлекай!

Да, дипломатия явно не мой конёк. Или просто меня нельзя выпускать к людям голодной и сонной. И вообще если сейчас же я не лягу в кроватку, то кто-то оприходует домовину!

Я гневно сверкнула глазами на писателя. Лучше злиться, чем блаженно пускать на него слюни.

— Хорошо, я согласен,— ещё не зная на что подписывается уведомил меня писатель.

— Первое правило: если я сказала надо — значит надо.

Мужчина сложил руки на груди. Но к его чести не перебивал.

— Второе правило, даже если не надо, то все равно надо! То есть, если я сказала скидывай портки, власть смерилась, ты…

Я многозначительно протянула последнее, как бы намекая, чтобы он повторил мою речь. В подтверждение осознания к какому тирану попал в руки.

— Я… — мужчина хрипло протянул и приблизился ко мне, присел на корточки, чтобы наши лица оказались друг напротив друга. Положил ладонь на талию, что пряталась под широкой футболкой, сжал, погладил большим пальцем выступающее ребро и наклонившись прошептал. — Я то конечно разденусь… Но тогда и ты послушай мое правило: я голый, ты голая, поняла?

Судорожный мой выдох послужил лучшим ответом. А писатель наклонился сильнее. Его дыхание опалило щеку, которая и без всего этого пунцовела. Задел жесткой щетиной мою шею. Горький аромат табака раскрылся и почувствовала едва уловимую ноту ванили. Вдохнула полной грудью. Безумно, пряно, дымно…

— Я заеду завтра за тобой после двух. Будь готова, а то побежишь за машиной…

Я задохнулась возмущением. Аж сразу не нашлась, что сказать. А потом вспомнила, что девственница это не мое любимое амплуа и потянула руку к шее мужчины, качнулась вперёд, максимально близко, и так же глубоко с придыханием:

— Ты мне для начала аванс переведи, а потом приказами разбрасывайся, мамкин доминант, — усмехнулась я.

И хлопнув его по плечу, выпорхнула из сильных рук. Побежала к дому и схватилась за ручку двери. Услышала сердитое:

— Номер счета!

Я обернулась и так паскудненько протянула.

— Ты же у нас умный. Я для тебя прочитанная книга, так вот и выкручивайся сам. Найди мои реквизиты, зная только имя и псевдоним! — напомнила я ему его слова в машине и театрально послав воздушный поцелуй хлопнула дверью предусмотрительно щёлкнув замком.

Глава 7

Часы бьют. По ощущениям меня и по голове. Я выругалась и свесила ноги с кровати. На улице пекло как в первом круге ада. Погода решила поднапрячься и намекнуть, что в преисподней нас ждёт курорт с морским бризом, а здесь и сейчас только хардкор. Собственно поэтому дышать в мансарде было физически сложно. А моя футболка была напоминанием, что девочки не только пукают, но и потеют. Я выпала на первый этаж под холодный воздух кондиционера и спустя только минут десять убрела в ванну.

Ночь у меня конечно получилась прям как в двадцать лет: много знакомств, в том числе и с местной фауной, которая атаковала не только комарами, но и противными мошками, что липли на экран ноута, пока я собирала образы для писателя. Потом пришли локации. А далее студии. Посмотрела начинающих фотографов и аренду оборудования. Ничего так, жить можно. Конечно «импульс» поискать придётся, особенно с нужными мне насадками, но это рабочие моменты.

А ещё я себя убеждала что моя согласие на работу с писателем это только жажда наживы не более. Обещала же за дёшево не работать с мужиками? Вот! А этот за дорого. И вовсе не потому, что он мне интересен. Мне и клубника интересна, но с ней же я не подозреваю противоестественной связи.

Тетка на кухне шуровала скалкой по тонкому тесту для лапши. Я чмокнула родственницу в щеку и пошла наливать нам с ней чай. Вытащила вчерашние оладьи. Поставила их в микроволновку. Достала варенье и зачем-то колбасу. Это по привычке. Противная хвостатая скотина материализовалась под ногами и мерзко заорала. Клавдия бросила скалку и ринулась к бедной кисоньке, которого не любят, не кормят. Ага, эту харю при жгучем поносе за неделю не обгадишь.

Я посмотрела на эту парочку, перевела взгляд на окно, и заприметила чёрную Ауди у ворот. Скабрёзно усмехнулась и пошла наслаждаться трапезой. Через четверть часа мужик не выдержал и скромно постучался в дверь. Я открыла и впихнула ему в руки чашку с чаем со словами:

— Опаздываешь, чай того и гляди остынет.

На писателе были мягкие льняные штаны и такая же рубашка только белого, а не горчичного, в тон низу, цвета. Она не имела верхних трёх пуговиц, отчего рельефные ключицы смотрелись особенно привлекательно . Хоть облизывай.

— Ты издеваешься? — вызверился мужчина.

— Почти, но не совсем. Идём на оладушки…

Я махнула рукой, чтобы следовал за мной и углубилась в спасительную прохладу дома. На кухне случилась встреча века: городской пижон и местная интеллигенция, которая уже заранее настроилась воинственно.

— Добрый день, простите я с пустыми руками…— Развёл этими самыми руками писатель и удостоился понимающего взгляда. Видимо какая-то нотка мужественной харизмы, которая действовала не только на меня, все же была у мужчины, потому что тетка расплылась в улыбке и заверила, что все нормально. А я подвисла, вот умеет же писака быть милым, когда захочет.

Тётка ушуршала трикошками в сторону зала, а я села напротив мужчины и положила ему айпад с вариантами фотосессий. С минуту он молчал, листал фотки, а потом так проникновенно:

— Шутишь?

Я непонимающе уставилась и развернула планшет так, чтобы вдвоём было видно. На первой фотке лапы девицы, на второй — туфельки, потом пляж и компания восточных мужиков.

— А что? Вот смотри… Это твои руки, это твои ноги, а это ты отдыхаешь в отеле в Таганроге…

Завела я знаменитую песню из камеди. Перелистнула дальше, на фото, где сидит псина с грустными глазами.

— Это ты простужен, это ты обижен, а это ты на пляже текилой обездвижен…

Вот на последнем я не выдержала и заржала.

— Напомни какой сегодня день недели? — так многозначительно и строго спросил писатель, что я ещё больше развеселилась.

— Я непредсказуемая всегда…

— Вот это меня и пугает,— печально, словно поставив мне диагноз, признался мужчина.

А я, прекратив ржать, посерьёзнела и обошла стол, встала возле мужчины и теперь показывала реальные съёмки, которые мне хотелось бы отработать.

— Но сейчас мы с тобой по максиму отснимем в студиях…

— Почему сейчас?

— У них не сезон, большие скидки на аренду…

— Ещё мне надо репортажи…

— С каких мероприятий и когда? Давай сразу залью эти даты. А там разрешена съёмка или придётся с телефона? Тогда это только для соцсетей, на сайт разрешение не пойдёт.

— Там решим. — Он сцепил руки в замок и оперся на них подбородком. — Ну что посмотришь дом, пригоден для съёмок?

Почему он так приглушенно говорит словно не на осмотр дома зовёт а не знаю на оргию. Или я что-то не понимаю и под предлогом смотрин меня клеят? Или…

Да какая к чертям разница. Я все равно в любом случае останусь довольна. Наверно.

— Конечно, поехали, — согласилась я.

— Прям так?

Мужчина спустился глазами по мятой футболке ниже к голым ногам в тапках со здоровенными когтями, которые задевали пол при ходьбе. Я спохватилась, что стоило бы шорты натянуть, но все равно гордо выдала:

— Я уперлась в деревню не для того, чтобы наряжаться! Хоть здесь дай побыть настоящей… — столько патетики в одной фразе я выдавала последний раз в детском саду читая стихи Маяковского.

Я скрылась за поворотом в зал. Ещё успев услышать сомнительное:

— Ну как же…

Глава 8

Дом писателя бал обычным. Скучным. Местами обыденным . Блин я рассчитывала, что у него тут старая печатная машинка, книги везде, рукописи, много кофе и сигарет и почему-то свет старой лампочки, что отливала бы жёлтым.

Да даже для дома холостяка это тоже было скучно. Слишком стерильно. Никаких тебе чашек в раковине или хотя бы один носок партизаном. Нет. Я разочарована. Хотя чисто из соображений кадра мне все понравилось. Стеклянная стена с выхода на террасу как раз смотрела на запад. Значит закаты тут шикарные. Можно поиграть с цветом и светом. Большая кухня —гостиная в серых тонах. Лёгкая лестница на второй этаж, где две спальни друг напротив друга. Одна правда оказалась кабинетом. Нет, жилище не обладало размерами. Оно рассчитано как раз на одно или двух людей.

Проходя мимо лестницы, я заметила томик стихов Есенина. Повертела в руках. Пролистала. Всегда была равнодушна к поэзии, а наниматель видимо большой фанат.

— Любишь? — Я махнула книгой.

— Нет,— скривился писатель. — Я из страниц стихов Есенина косяки скручиваю.

— Плохой мальчик, — мурлыкнула я, все же немного поразившись таким экстравагантным способом курить.

— Очень, — глухо отозвался мужчина, и я заметила как он выжидательно наблюдает за мной. Ждёт очередную скабрёзную шуточку? Ну нет так не пойдёт. Он мне теперь деньги платит, с ним так шутить нельзя. Это с левым человеком можно показать свой проклятый язык. Или с временным хахалем, которые к слову у меня всегда были с придурью. Вот взять Костика и его маму. Почему клюнула? Потому что мудак. А Матвей чем не хорош? Потому что он нормальный. И значит не проходит мой контроль. У меня как: плохой мальчик — беру, инфантильный — однозначно мое, мудак — заверните два!

Я вернулась в кухню и прошлась пальцами по холодному мрамору столешницы. Прикинула какие кадры можно сделать здесь. Посмотрела на мужчину, что стоял засунув руки в карманы лёгких брюк.

— Чаем не напоишь?

Мужчина пожал плечами и пошёл к чайнику. Щелчок кнопки. Открытая дверца шкафа и френч пресс. Душистая заварка.

Я неслышно отошла в холл и открыла сумку. Взяла камеру в руки. В свете полуденного солнца, что сейчас приятно затеняло листьями деревьев, кухня выглядит более уютной. И мужчина в ней, тоже уютный. С янтарным блеском глаз. В мягкой рубашке. На руках тонкие фенечки и красная нитка с изящным почти женским крестиком. И руки эти любовно перебирают листья чая. И пар от горячей воды, что льётся в заварник. Две стеклянные кружки. И плёнка испарины на ободках. Да, уютно. Настолько, что камера сама, без моего участия, останавливает эти моменты, мне всего лишь надо ходить за ней. Вот здесь, на жилистом запястье сделать крупный план. А тут на улыбке одним уголком губ наоборот отдалиться, чтобы показать, как мягко переливаются в свете летнего солнца коньячного цвета глаза. Но здесь невидимого свидетеля заметили, и мужское лицо приобрело жёсткость: губы поджались , а в зрачках застыл холод.

— Что ты делаешь?

— Снимаю тебя.

Мне немного холодно от такой смены настроения. И камера теряет своё волшебство, в котором не видно счастливого мужчины и горячего чая с ароматом зверобоя. Сейчас это

просто красивая бездушная обложка. И я понимаю, что фотоаппарат любит писателя только тогда, когда он не знает об этом.

— А как же это ваше типичное встань туда, отойди подальше…

Нет, все не так. Настоящее волшебство оно не столько в профессионализме, сколько в глазах смотрящего, читай фотографа. Ни один кадр не будет успешным, если я не буду любить свою модель. Не обязательно всю целиком. Вот, например, для бренда «Моя маленькая сестрёнка» мы снимали девочек в бальных платьях. И весь сет был удачным. Даже те фото, где девчонки просто дурачились, потому что я влюблена была в этот проект. Мне самой хотелось стать этой маленькой принцессой в ворохе фатина и блёсток мерцающей пудры. Мне хотелось прыгать и танцевать вместе со всеми. Тогда я была счастлива.

И сейчас. Пока я вижу писателя настоящего, тогда я творю, а не отрабатываю гонорар.

— Ну если ты настаиваешь…

Я присела на корточки и решила поснимать снизу. Мужчина насупился. Нет. Такие кадры это полный провал.

— Повернись спиной. Да, вот так. А теперь голову влево, подбородок вниз…

Я оббежала мужчина сбоку и пристроилась возле острова.

—Теперь немного отвернись от камеры. Нет. Я вижу только твой затылок . Нет, так не эротично. Не будь бревном. Нет, я не дятел, а ты осел, если не понимаешь, что я хочу больше секса. Ты не хочешь? А почему? Подними руки к верхней пуговице. Нет не надо на меня смотреть, я не Кашпировский и не заряжу тебя на огненную работу. Так, да. Напряги грудные мышцы… да. Мне это нравится. Ещё сильнее, чтобы трапеция была хорошо прорисована. Дай секса! Ещё!

Я так задёргала мужчину своими указаниями, что он психанул:

— Нет, давай ты и дальше будешь молчать.

— Хорошо, — покладисто согласилась я и села напротив. Мужчина гладил пальцами ободок чашки, и я, вытянув руку, коснулась своей. Взяла ракурс чуть выше, почти под девяносто градусов. Хорошо получилось. Надо для разнообразия ещё флетлей поснимать.

— Как тебе дом? Мы сможем тут… поснимать?

Интересно, а что за заминка была в его голосе?

Глава 9

Я решила не акцентировать внимание на недомолвках. Всякие да люди бывают и если мой внутренний параноик сейчас войдёт в чат то его инфарк шлёпнет только от самой мысли что я дома незнакомого мужчины, сижу пью чай, который возможно с клафелином и вообще…

Я заткнула истерику внутри, потому что как-то не особо верила в маньяков на дорогих тачках и с часами на руке за треть миллиона.

— Почему тебе это важно? — Я отхлёбнула чай и пролистала быстро фото, кинула понравившиеся на телефон и вытащила гаджет из заднего кармана. Отправила кадры в лайтрум и сделала быстрый цветкор. Закинула в планёр ленты и повернула мужчине раскладку на девять фотогрфий.

—Представляешь я тоже в отпуске.

Писака рассматривал кадры, и я заметила, что он смущается. А это мило. Настолько, что я почти улыбнулась.

— Дом хороший, подойдёт. Если много времени не хочешь проводить в городе… — я умолкла, пытаясь сформулировать идею поточнее. — Ты видел железную дорогу и перрон?

— Я не буду пародировать Каренину.

— Да кому ты сдался рельсы об тебя пачкать, — огрызнулась я и закуклилась. Я тут со скоростью света ему идеи генерирую, а он нос воротит.

— Прости, — уловив мое настроение пошёл на попятную собеседник.

— Из принципа нет!

— Что мне сделать чтобы стало да?

Мужчина лукаво посмотрел на меня.

—Мороженного килограмм и ягоды. Ещё арбуз привези из города…

— Ничего себе ты ранимая.

— Ага, то сердце раню, то почки отобью.

— Что ты можешь предложить?

— Закладную на душу.

— Вероник, не обижайся. Я не самый добрый человек.

— А я очень обидчивая и почти самая злая. Но это лирика. Слушай, ты видел фотки с хогвордского экспресса?

— Что это вообще такое?

— Ты ранил меня в сердце! — притворно охнула и зажала место под грудью, где сердце предположительно было. Мужчина проследил за моими руками и выдохнул разочарованно:

— Оно в другой стороне, сейчас у тебя стреляет поджелудочная…

— Да наплевать. — Я соскочила со стула и стала ходить вдоль острова, попеременно покусывая подушечку большого пальца. Писатель наблюдал за мной как за маятником. — Короче, тут старая станция, и если ты не против я бы хотела ещё творческую фотосессию сделать «привет из восьмидесятых».

Я замерла, нелепо остановившись, посреди кухни и выжидательно посмотрела на заказчика. Он молчал, словно специально проверяя мое самообладание.

— Не плохо. Мне нравиться. Тут ещё старая почта есть, можем и там. И библиотека с картотечными шкафчиками из массива дуба, и у них там эркеры и плитка в холле старая.

Мои глаза засияли. В голове пролетели варианты винтажных съёмок. Я моргала быстро-быстро, как будто фиксируя воображаемый кадр.

— Откуда ты вообще это знаешь? Давно тут живешь? — спросила я, усаживаясь в машину.

— Четвёртый год снимаю этот дом на лето, — мужчина завёл авто и холодный поток воздуха покрыл мои ноги мурашками. — Успел тут обжиться…

— А почему тебя в «Ясной» только сейчас заметили?

Дом писателя был немного в отдалении от нашей деревни, так сказать в элитарной части с коттеджами, ровными газонами и высокими заборами. По-моему, у его посёлка даже название какое-то пафосное, но мне неинтересно. Хотя масштаб выпендрёжа я оценила. Оценила и пришла к выводу что писатели нынче неплохо живут.

— Потому что обычно я езжу только до магазинов или вот в библиотеку, на почту, на озеро…

— Здесь есть озеро? — воодушевилась я нечаянно сцапав мужчину за запястье. Потом сама смутилась и выпустила тёплую ладонь. Зря. Руки у него очень приятные. Большие ладони с немного шероховатой кожей и длинные пальцы. Пальцы — это вообще моя страсть. Не знаю почему, наверно музыканты всегда нравились с их возможностью зажать баре на гитаре без усилий. Писатель ухмыльнулся. Он заметил мое смущение, но промолчал, видимо сделав зарубку в памяти.

— Ты так не радовалась, когда я говорил про самокрутки из стихов Есенина, ты точно из столицы? — И взгляд острый. Писатель Ладе голову набок склонил рассматривая меня с этого ракурса видимо ища приметы столичной штучки.

— Зачем мне твоя трава, как будто ее заварить в чай можно, а вот озёр я давно не видела, —угрюмо пробубнила. Никогда я не была охотницей до наркотических развлечений, собственной дури хоть на сдачу отвешивай. —Кстати, а о чем ты пишешь?

— О человеческой глупости, как-то скупо признался заказчик.

— Юмористические романы? — смекнула я разом.

— Рассказы.

— Ничего себе. И почем нынче тысяча знаков?

— А тебе зачем?

— Интересно много ты успел написать, чтобы заработать на машину, дом, который снимаешь…

—Эй, сборники рассказов это для души.

—А для тела?

—Писательские курсы, агентство копирайтеров, сценарии для рекламы и короткометражек, половина издательства.

Мне этот перечень ни о чем не говорил. Я не уверена, что в принципе могу представить сколько с этого можно получить дохода, но дабы польстить выдохнула томно:

—Так ты миллионер… — и глазами так хлоп. По-моему, писака разглядел в этом назревающее косоглазие, потому что скептически изогнул бровь и смерил меня тяжёлым взглядом. — Слушай, а скажи что-нибудь по-миллионерски…

— Василий…

— Что? — не поняла я.

— Меня зовут.

— Приятно познакомиться! — обрадовалась я. И притянула ладонь для рукопожатия. Мужчина смотрел на меня скептически. Потом отвёл мою ладонь и, сверкнув глазами с огнём внутри янтаря, предложил:

— А может на брудершафт?

Глава 9

Я опаздывала на четыре сигареты, чашку кофе и три стиха Бродского, которые решил читать Вася моей тетушка пока я накручивала кудри, влезала в тонкое кремовое платье по фигуре и с пышной юбкой. Сегодня мы выбирались в свет. А именно на юбилей второго владельца издательства. Писатель так нервничал, что предложил купить мне наряд, но мне так лень было ехать в город и прерывать съёмки в деревне, что я заверила его в ненужности таких жертв.

— Ты мне кого-то напоминаешь… — выдохнул Вася, когда я спустилась по лестнице. Мужчина тоже принарядился. Темные почти до цвета жжёного кофе брюки, что обтягивали задницу, молочная рубашка с расстёгнутым воротом, в котором виднелись короткие бусы из белых непрозрачных камней, зачёсанные назад волосы, приглаженные у висков. Мы как-то не сговариваясь сегодня выбрали одну цветовую гамму.

— Шикарно выглядишь, — наконец-то сказал писатель, почему-то стараясь не смотреть на меня.

— Главное украшение женщины — хорошо подобранный мужчина…

— Засчитал комплимент, — он криво усмехнулся и все же подал руку. Я послала воздушный поцелуй тетушке и проследовала за мужчиной.

За прошедшую неделю мы ужасно много времени проводили с писателем. Можно сказать жили вместе. Он приезжал с утра за мной и возвращал домой лишь к вечеру. Мы облазили все местные элементы архитектуры и совестного прошлого. Нашли старые конверты с выцветшими марками на почте, очень антуражные снимки получились. Оккупировали перрон железнодорожной станции и одолжили у бабы Ани старые чемоданы. Съездили на озеро где Вася делал вид, что хорошо рыбачит, а я, что мне не скучно, но в итоге я наснимала пейзажей и усталого мужчины в широкополой соломенной шляпе. Библиотека стала излюбленным местом всех местных бабенок на выданье. Засветившись в нашей деревне, Вася стал главной звездой, и девицы норовили охамутать городского бизнесмена. Как только мы организовали там первую съемку, на второй день туда стеклось столько матримониально настроенных дев, что писателя пришлось отбивать. Нет, он и сам неплохо справлялся, умело выпрыгивая из костюма успешного бизнесмена в телогрейку деревенского дурачка или сельского пропойцы. Я только диву давалась такому мощному актёрскому таланту. Вот уж кто бы и без писательства справился с театральной профессией. Причём через пару дней я заметила, что Вася и со мной тоже так играет, только менее экстравагантные роли. То он меланхоличной писатель, то сердцеед с намеками, не пошлыми, но горячими, то строгий заказчик, которому не нравятся работы и надо все переснимать, то давний дружок. Было чувство, что он сам не определился в кого играть рядом со мной и перемерял все свои маски в надежде найти ту, что зацепит именно меня. Но он фатально ошибался, меня устраивал он настоящий. Когда не замечал, что я за ним наблюдаю, он становился другим: более спокойным и как бы это странно не звучало, твёрдым, сильным. У него менялись глаза. Они приобретали тот дурманящий цвет нагретого коньяка, что плескался в бокале старого аристократа перед камином.

— Сядешь за руль на обратном пути? — выдернул меня из мыслей писатель. — Мне все равно придётся ритуально поднять бокал за именинника. А оставлять машину с городе…

— А не боишься?

— Тебя или за машину?

— Моих купленных прав.

— Ну как-то же ты ездила все это время.

— Вот именно что как-то же… — пробубнила я себе под нос.

Вот что мне нравилось в писателе так это ощущение, что мы с ним давние друзья. Не было каких-то ужимок, по крайней мере с моей стороны. Я могла ляпнуть все, что в голову приходило и он поддерживал.

Мы подъехали к ресторану. Шум, крики, громкая музыка все это било по нервам. Я вытащила камеру и постаралась хотя бы настроится на репортажную съемку. Не выходило. Нельзя несколько недель сидеть в глуши, а потом вот так бац и с водоворот событий. Вася придержал меня да талию словно опасаясь, что я грохнусь в обморок. А я и готова была. От его аромата, от сильных рук, которое временами позволяли себе больше обычного. Вот как сейчас. Мягко поглаживали талию, временами опускаясь на бёдра.

— Всегда лови меня глазами, — прошептала я писателю, встав на носочки. Вот даже в туфлях я не особо дотягивалась до мужчины, поэтому он наверно уже привык вечно наклоняется ко мне. — Так я пойму с кем тебя снимать.

— Ты как вообще? — он продолжил гладить меня по талии и слегка прижал к себе, словно собирался спасать от этого гудящей вакханальи.

— Не сдохну, — мужественно отрапортовала я. — Но с тебя поход в Мак!

— Так, с цыганами я промахнутся, — намекнув на мелкий откуп, пробормотал Василий. — Будет тебе гамбургер и картошка, а потом в нормальный ресторан съездим.

— В меня больше не влезет.

— Не переживай, я дождусь, когда ты проголодаешься.

— Когда я проголодаюсь, то укушу тебя, — пообещала и наконец-то настроила камеру под дурацкий свет банкетного зала.

— Хорошо только кусай не за задницу.

— Фи извращуга.

— Всего лишь перестраховщик.

Вася отодвинулся от меня и пожал руку какому-то седому мужику, что даже в свои почтенные годы не потерял блудливого блеска глаз. Я быстро щёлкнула затвором. И ещё раз. И потом.

Через четверть часа писатель вернулся ко мне. Отвёл меня в сторону и озабоченно осведомился:

— Ты как? Устала?

— Работать или на каблуках?

Вот реально женская глупость прямо пропорциональна влюблённости. Когда нам приятен мужчина, мы забываем обо всем, даже о том, что сегодня не свидание, а работа и надо было бы надеть балетки. Но куда уж мне, дурочке, что плывёт от одного неосторожного блеска янтарных глаз до доводов разума.

— Мы скоро уедем, — пообещал мужчина и снова пошёл с кем-то здороваться. А я ощутила холод, который разворачивался маленьким ураганом внутри. Почему-то прикосновений Васи, от его близости мне всегда тепло, а без него… Как будто простудилась под кондиционером.

Глава 10

Маска сползала с Васи. Я замечала это через объектив, когда он морщился при очередном вопросе или излишне резко поворачивался. Было видно, что он тоже устал и настоящий он так и хочет вылезти наружу и навешать всем моральных оплеух. Он очень старательно избегал женского общества, словно ему оно приносило раздражение. Он кривил губы, когда к нему подходила очередная расфуфыренная девица и просила что-то или предлагала. Я видела, как его улыбка превращалась в оскал. Прямо внутренностями ощущала как он зол, но держался. Лавировал между барышнями, учтиво болтал с господами и когда наши глаза встречались, он шептал губами, что уже скоро.

Ближе к полуночи я устроила перерыв. Все, что могло быть важного уже случилось и по факту моя работа окончена можно вообще уйти в машину и стянуть наконец-то эти туфли. Но я из солидарности к писателю все равно делала вид, что работаю в поте лица.

Не успела я втянуть летний городской воздух как по ступенькам сбежал Вася на ходу бросая:

— Валим, валим!

Похвалите меня, я не стала уточнять кого именно, а просто засеменила следом. Мужчина оглядывался словно переживал что нас могут догнать и заставить вернуться. Через три метра его нервы не выдержали, и он подхватил меня на руки, потому что передвигаться на каблуках стоило мне моральных сил больше, чем физических. Я взвизгнула, и обхватила шею Васи. Он благодарно улыбнулся: тащить на руках упирающуюся девицу сложнее, чем покорно согласившуюся на этот метод передвижения.

Я расположилась на водительском месте, подвинула кресло, немного подправила зеркала, застегнула ремень. Вася смотрел за этим выступлением с непередаваемым сомнением.

— Я думал ты более беспечная…

— Да ну брось. Мир мне не простит если я угроблю такого писателя как ты в банальной автокатастрофе.

— Сплюнь.

— Я обычно глотаю, — ляпнула и только потом поняла, что именно.

— Похвально, — лукаво и от этого более будоражащие прозвучал бархатный голос с хрипловатыми нотками. А я покраснела. Наверно. Ну уши точно. — Продемонстрируешь?

Я фыркнула.

— Не сплю с заказчиками.

— Как будто я тебе спать предлагаю.

— Чтобы ты не предложил — ответ не измениться.

— Противная.

— А ты пьян.

— Это просто ты голодная, поэтому злая. Поехали знаешь куда…

Мы приехали в парк. Прошли через запасные ворота, от которых пару шагов до моста влюблённых. Полюбовались ночной рекой и заприметив беседку устроили ночной пикник. Некоторые рестораны работаю на вынос после полуночи.

— О чем ты говорил с компаньоном? — Я вытащила круассан из пакета и вгрызлась в него зубами, поэтому у писателя было время подробно рассказать мне все.

— Он прочитал мой сборник…

Нет, походу, из него все надо вытягивать клещами.

— Ты написал новую книгу?

— Нет, это старая работа, просто не опубликованная нигде.

— И что он сказал? — Я потянулась за стаканчиком с кофе и чуть не заляпала платье соусом из круассана.

— Если бы не знал, что это написал ты, подумал бы, что невероятно талантливый автор поработал.

— Как-то он тебя обесценивает, не находишь?

— Нет, ему в принципе не нравится, что я пишу. И вообще, что пишу, когда мог бы делать деньги на издательстве, а романы отнимают много времени.

— Почему так? Ты же талантливый, неужели это так долго написать книгу?

— Долго, — Он отпил из своего стакана горьковатый напиток и добавил. — Слово изменилось…

— Поясни.

— Оно стало более слабым. Вот как раньше бьешь в кнопки на старой машинке, а сейчас только прикасаешься пальцами к экрану, и оно появляется. Так и метафорично слово поменялось. Нам недостаточно высокопарности из «люблю — ненавижу». Нужны новые более хрупкие конструкции, такие как, например, шелест ее волос, мутная синева сумерек в морозную стужу. Нам надо объяснить все эти чувства другим языком для другого мира, в реалиях которого потерялась возвышенность. А самое смешное, что сейчас никто не чувствует просто любовь. Всех надо научить этому.

— Как давно ты перестал писать? — задаю неудобный вопрос потому что догадываюсь, что издание старого это не то чего бы хотел писатель.

— Не знаю…— Он потёр глаза. — Года три, может больше.

— Что совсем?

Для меня это тяжело. Ну как бросить то, чем горит сердце?

— Нет конечно, но мне не нравится, что я делал последнее время. Как будто халтурил, писал, чтобы было, не врастал в героев…

— А как сделать так, чтобы тебе опять захотелось писать?

— Я не знаю, — выдыхая в звёздное небо, признался мужчина. Мы стояли в тишине, не пытаясь нарушить ее неловкими словами поддержки. Тут Вася спохватился и накинул мне на плечи свой пиджак. Очень вовремя. Но вместе с тем неправильно и как-то лично. Я вдыхала мягкий аромат табака и горького кофе с нотами шоколада, что пропитал всю одежду мужчины и сама пропитывалась им же.

А возле дома он вдруг предложил:

— Хочешь оставайся у меня. На мансардном этаже свободная спальня.

Вот знаете в любой другой ситуации с другим мужчиной я бы подумала, что это намёк на ночь, но в нашем с писателем случае… Он всегда только намекал, но никогда не делал и шага навстречу. И лёжа в душной темноте гостевой спали его дома, я закрывала глаза, прислушивалась, в надежде, что он придёт.

Мне этого отчаянно хотелось. И я этого боялась. В своей нерешительности я отдавала право выбрать ему.

Но он не пришёл.

Глава 11

Загородная жизнь пахла березовыми вениками, что тетушка сушила в бане. А ещё немного речной ряской. Но это я преувеличиваю. На самом деле она пахла застоявшейся водой в больших пластиковых бочках. Она цвела и вот оттуда появлялся сочный речной аромат тины.

Эта жизнь пела стрекотом сверчков и дальним шумом леса. Опять же березового, потому что ельник чаще всего безмолвен. Он как герой страшной сказки молчал, лишь изредка разрежая тишину уханьем совы, что заблудилась среди разлапистых ветвей.

Моя временная жизнь со вкусом чая с клубникой. Ее ароматом, что проносился по дому в утренние часы, когда я неспешно и почти на цыпочках выбиралась из мансарды и шла на огород, ещё влажный от ночной росы, чтобы собрать зверобой, мяту или мелиссу.

Эта жизнь окрасила мою кожу в приятный персиковый цвет, отчего она вдруг стало сухой и тонкой. А ещё от неё теперь пахло тоже странно, травами и мёдом. Я принюхивалась к мылу в ванной и не понимала почему аромат ромашки и шафранов словно залез во внутрь.

— Куда поедем? — Мы закончили долгую съёмку в студии и вышли на свежий воздух только ближе к девяти вечера. Вася отбросил телефон в подстаканники и уставился на меня своими янтарными глазами.

— Тебе тридцать четыре, поехали сразу в пенсионный фонд.

— Спасибо хоть не кладбище, — буркнуто писатель немного уколотый моим сарказмом.

— Пожалуйста, — призналась я.

— Тогда тебя вернуть после ужина в ясельную группу или ты до старшей доросла?

— Ха—ха—ха, — ненатурально и театрально разразилась я смехом злодея и показала вытянутый язык. Мужчина проследил за тем, как я под его задумчивым взглядом облизала губы. Нет ничего пошлого или эротичного в моей детской выходке не было, но эти глаза заставили смутиться.

— Есть у меня на примете один бар… — произнес Вася вырулив с парковки на проспект.

— Кто сегодня за рулём? — терзал меня шкурный вопрос.

— Думаю, что никто. — Он потянулся к бардачку и его пальцы задели мои колени. Я пождала ноги, потому что ещё одно прикосновения и я бы точно их раздвинула. Он вытащил пачку сигарет. — Тебя не заругают если ты сегодня с ночёвкой у друга останешься?

— Мы будем в городе?

— Ага, — пыхнул сигаретой писатель, и я втянула аромат шоколада. — У меня трёхкомнатная квартира в центре,

— Хорошо, — согласилась я.

— Отлично.

— А приставать будешь?

— А стоит?

— Где должно быть ударение?

— Понятно. Тогда пока сама не попросишь.

— Самоуверенный тип.

— Вредина.

— Расскажи мне что-нибудь? — попросила я немного смущаясь.

— Задавай вопросы.

— Это карт-бланш?

— Предположим… — протянул мужчина, выбрасывая половину сигареты в окно.

— Тогда самый нелепый случай в личной жизни.

Писатель задумался. Он немного хмурил брови. То ли от того, что не знал, что именно рассказать, то ли потому ничего курьезного в его постели не происходило.

— Наверно две тысячи девятый год, — наконец начал писатель. — Примерно два десятка лет после развала советского союза, и у народа в голове ещё не выветрилась эта типичная гостеприимность, когда к тебе приезжает троюродный племянник двоюродной бабки по отцовской линии, потому что ужасно близкие родственники. Квартиры все ещё похожи на общежития камерного типа. Когда не только все спальное места при деле, но ещё и вытаскивается раскладушка, на которой делали твоих родителей. Так вот, тогда не то что о личных границах не слышали, там и вопрос о личной жизни был чисто риторическим. Причём, всем было без разницы — хочешь ты привечать этих родственников или нет, просто по факту, вот Алешенька, он приехал из деревни поступать на юридический. Он поживет у вас пока общежитие не откроется? А приперся этот лось в начале лета, когда до учебного года ещё три месяца.

Мне нравилось слушать этого мужчину. Рассказывал он подробно и с какой-то долей сарказма. Словно дополняя авторскими ремарками готовую историю. В машине было в меру прохладно, и только поэтому мурашки разбежались по моему телу.

— Чтобы ты понимала, в таких условиях время и место, чтобы уединится с девушкой наступало раз в пятилетку и то, когда вся родня сваливала на картошку, причём урожая влюблённые парочки ждали сильнее, чем сами садоводы. У меня была девушка. Такая из серии тургеневской барышни, поэтому зажимать ее на темных тропинкам парка было совсем не комильфо. И вот у неё все свалили в деревню. Прилетаю я к ней на крыльях спермотоксикоза и давай быстрее ее в койку укладывать. К слову, я уже в свои двадцать понимал, что дети это не совсем мое и к вопросу предохранения относился не в пример тщательней чем сейчас. Вот все, девица стонет, у меня в мозгах одна цель, и тут она вылетает, потому что я вспоминаю про презервативы. Дёргаюсь к джинсам, вытаскиваю упаковку, натягиваю и дело подходит к самому главному. Только я пристроится, как слышим ключ в замке ходит. Девица из-под меня пулей выскочила. Я впопыхах, прыгая на одной ноге, ныряю в джинсы, и тут из коридора голос ее бабки, что умаялась раньше срока на плантации. Ладно, нас не засекли. Тут пока старушка шуршала на кухне, пока пили чай. А сижу и чую, что мне не комфортно, потому что в трусах что-то скользко ползёт. И понимаю, что гондон по-прежнему на мне!

Я заржала. Чисто и искренне. Писатель тоже не выдержал и засмеялся.

— Это реальная история? — наконец справившись с первым шоком, спрашиваю и тянусь за бутылкой с водой.

— Конечно.

Глава 12

А бар располагался в центре. Я оценила обстановку и приятную музыку. Вася сделал заказ на текилу и закуски. Я сидела подрыгивая ногами и прикидывала как бы так тактично не пить спиртное. Не думаю, что алкоголь хорошая идея, особенно в компании писателя, который очень сильно мне нравится. Знаете же, пьяная девица своему либидо не хозяйка. И собственно эта народная мудрость и подтвердилась после пятой стопки текилы, а я перебралась к Васе на колени, при этом так кокетливо заглядывая ему в глаза, что не помни сама о своём идеальном зрении, уверилась бы в том, что у меня жуткая близорукость. Я запускала пальцы ему в волосы и перебирала пряди. Он к слову не был против, а очень даже за. Я ёрзала и глубокомысленно кивала на его рассказы. Нет, он определённо что-то интересное рассказывал, но меня интересовали сейчас куда сильнее его губы, что он облизывал, когда мы поднимали очередную стопку текилы. А рассказы становились более личными. Уютными что ли. Я сидела рядом с писателем и смотрела пристально в янтарь глаз. Мне хотелось гладить его по лицу, ощущать жёсткую щетину пальцами. А ещё немного, совсем чуть-чуть коснуться губами. Поскольку терпение не моя добродетель я в один особенно молчаливый момент потянулась навстречу мужчине, чтобы провести языком по горячим и сухим губам. Чтобы упоительно смаковать их вкус с ароматом лайма и соли. Чтобы не заметить, как мир замер в этот одной упоительно длинной секунде. Чтобы понять, что целую уже не я, а меня. И это немного иначе, острее, жёстче. И поцелуй тянулся настолько долго, ярко, чувственно, что я и помыслить не могла, чтобы разорвать его. Мне нравились трепетные прикосновения к моей шее, которые рисовали, как кистью, дорожку ниже к груди. Я упивалась ничем не разбавленным счастьем, ведь хотела этого уже черт знает сколько времени. Чтобы вот так без смущения или неуклюжести смело прикасаться к мужчине мечты. Моей мечты.

И дорога по не спящему городу, что все время останавливается, потому что целоваться хочется непрерывно. Заходить куда больше позволенного. Дотрагиваться мужской груди под рубашкой, запускать пальцы в русые волосы, ловить дыхание. Которое теперь одно на двоих, делить его пополам, ведь своего мне не хватает, и моя грудь заходится в нервных судорогах, потому что надо ещё. Его ещё надо ещё.

Какая-то часть меня отстранённо наблюдала за этой влюблённостью. За неспешной прогулкой, за шутками, что мы кидали друг в друга. За медленными прикосновениями, что становились щемяще нежными, мягко-тонкими. Одними кончиками пальцев. Наблюдала и курила беломор нервно притопывая ногой, потому что ничего хорошего в этом не видела. Как же. Тут ведь работа и с ней целоваться никак нельзя.

А я спустила все на тормозах и упивалась этот дурманящей поволокой вечера. Этим мужчиной, что на раз два смог вытащить из меня весь нервоз и истерики, вложив вовнутрь пьяное удовольствие, сахарные поцелуи и огненное желание.

Квартира писателя — это не его дом. Тут сразу было понятно, где мы находимся. Очень много книг, полки, стеллажи. И витал такой приятный запах книжной пыли и чернил. Ещё немного горького кофе. А в остальном это был дом современного мира, гладкие поверхности, в отражениях которых мы не могли прервать этого танца из поцелуев и касаний.

И холод стен, к которым меня прижимал писатель спиной, чтобы без проблем исследовать меня всю целиком: гладить по предплечьям, скользить едва заметными касаниями по груди, пробовать на вкус мои губы.

Какая-то рогатина кольнуло меня в бок, и я очнулась. В голове шептала та я, которая со скепсисом наблюдала за нашим романом с писателем. Она то и прокряхтела мне на ухо почему-то голосом любимой тётушки, что мужчина рядом со мной врет.

Я отстранилась от Васи и взглянула ему в глаза. Уже без всей этой розовой воздушной ваты и не увидела в них ничего, кроме заинтересованности. Меня обдало кипятком. Я вдруг осознала, что и сейчас писака виртуозно играет эту партию, а вот настоящего, чего-то внутреннего и горячего и в помине не было. Он просто взял и натянул очередную маску на этот раз очаровательного ухажёра, чтобы… Чтобы что? Дать мне то, что я отчаянно хотела? Или показать, что не все и всегда бывает по-честному? Или просто ему скучно и это новый вид развлечения?

В голове набатом звучали удары моего сердца, которое разрывалось от непонимания и обиды. Мне казалось ещё немного, ещё одно прикосновение и слёзы брызнут из глаз.

Пришлось отстраниться от мужчины. Немного резко и дёргано.

— В чем дело, Ник?

Я отдёрнула платье и вжалась в стену с остервенением короеда, которому попался на пути долгожданная дубовая доска. В глазах Васи не было вожделения или чего-то там присущего моменту. Там была скука.

— Я… — задохнулась словами, ища другие, чтобы мое дезертирство не выглядело поспешным. — Я знаешь, наверно, перебирала с текилой…

— Нет, наоборот не добрала, — мурлыкнул писатель, снова прижимая меня к себе, но я уперлась ладонями с сильную грудь и продолжила настаивать на своём, хотя привычнее было бы просто на водке.

— Это неловко. Нас связывает работа… — начала отнекиваться я, понемного забирая шагами в сторону входной двери.

— Давай нас свяжут лучше наручники, ну или веревки… Что ты там говорила по поводу шибари? — не отставал Вася. Ещё и ладонь мне на талию положил во избежание побега.

— Говорила, что они хороши в постели, а не работе. А у нас с тобой профессиональные…

Мне не дали договорить, а просто заткнули рот поцелуем. Но я никак не отреагировала. Он мазнул языком по моим губам и отстранился. Посмотрел на меня с сомнением.

— Ник, что случилось?

— Ничего, правда, — неловко оправдывалась я, ища дверную ручку. — Ты конечно как Карлссон…

— Ем много варенья и в штанах пропеллер?

— В самом прыску, соку и потенции…— отшутилась и повернула замок, толкнув ногой дверь. Уже стоя на лестничной площадке, пролепетала: — Но лучше нам не переходить этот Рубикон.

— Куда ты пойдёшь ночью? Давай до утра оставайся. Я уступлю тебе свою спальню…

— Не переживай. Я у подруги переночую.

Я вылетела из подъезда под цокот своих же каблуков. Внутри что-то жгло. И было неприятно. Со мной никогда ещё не спали от скуки. Я прошла десять метров вниз по улице и в бессилии, от подступающих рыданий, что сдавили горло, присела на скамейку. Обняла себя себя руками. Раскачалась и не выдержав разревелась. Просто, потому что писателю я тоже не нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.